

(65-ой год, 170-171).

Такое различие в создаваемом образе самого себя вряд ли может быть случайным. Присущее Болотову жизнестроительство, отмечавшееся всеми исследователями его творчества, не было стихийно, это был сознательно регулируемый процесс, в котором задействовались все сферы деятельности. И любой созданный им текст (по крайней мере, с момента, когда он начал переделывать дневники в мемуары, то есть примерно с 1790-х годов) играет в этом процессе свою определенную роль (здесь кроется причина столь бережного отношения к своим бумагам, выразившегося, например, в переписывании и хранении собственных писем). Поэтому разница в изображении самого себя в разных произведениях скорее всего осмысленна и причина ее возникновения может заключаться в том, что рассматриваемое стихотворение обращено не столько к адресату – Творцу (см. строфу 36), сколько к самому автору, и закрепляет для него самого определенный тип отношений с Создателем (что не отменяет сознательной или подсознательной ориентации на стороннего наблюдателя – читателя). Записки же обращены к потомкам, а также ко всем, кто пожелает с ними ознакомиться, то есть в первую очередь к «внешнему» читателю (недаром Болотов упоминает о том, что имя его